

главным образом в его позитивистском (юмовско-миллевском) варианте. В дальнейшем наиболее близкой себе по духу философской школой XX в. он считал логический позитивизм⁷. Подобному стилю мышления было и остается приверженным немало других «аналитиков». Потому аналитическую философию нередко характеризуют как «семейство» концепций позитивистского толка. Между тем сочетание современных методов концептуально-языкового анализа знания и, шире, разума вообще с установками позитивизма — скорее конкретное, локально-историческое, чем принципиальное, теоретическое обстоятельство. Это подтверждается хотя бы тем, что в аналитической философии сегодня представлены разные философские ориентации. Отсюда понятны некоторые трудности в определении ее общего характера, в частности степени родства (или инородности) позитивизму. Мнения специалистов по этим вопросам иногда заметно расходятся.

Витгенштейна по праву считают центральной фигурой в развитии *аналитической философии* XX в., поскольку именно он разработал «полярные» — строго-логическую (I) и прагматико-лингвистическую (II) — стратегии *Философии Анализа*⁸, дав импульс развитию двух основных ее ветвей (или форм), а главное, сформулировал сами принципы аналитического толкования природы, задач философии⁹. Поэтому верное понимание общего характера «аналитического движения» предполагает уточнение позиций, стилей философствования, которые развивал Л. Витгенштейн. Вопрос о его философской ориентации несколько запутан. Его оригинальные мысли встречали разного рода недопонимание. Авторские, глубоко продуманные позиции *Трактата* воспринимались как продолжение, проработка концепций Рассела, под руководством (и влиянием) которого начинал свои исследования Витгенштейн. Автор *Трактата* ясно понимал и с признательностью отметил, что его труд был вдохновлен логическими идеями Рассела и «великолепными трудами Фреге». Но вместе с тем это новаторская работа, имевшая (даже на подготовительной стадии) эффект новизны для Рассела, который был посвящен в замысел ученика и его результаты в осмыслении проблем логики, природы логического¹⁰, полученные еще в 1912–1914 гг. Отталкиваясь от открытий Рассела, Витгенштейн почти сразу включается в самостоятельное осмысление проблем логики и природы философии. По ряду серьезных вопросов вчерашний ученик вступает в спор с учителем, предлагает иные, собственные решения занимавших их в те годы проблем. Он формулирует, например, концепцию «логического атомизма», которую Рассел высоко оценил и включил в свою филосо-

фию. Еще в 1914 году, читая лекции в США, он отметил, что излагает идеи своего блестящего ученика Людвиг Витгенштейна. Годы спустя в книге «Исследование значения и истины» (1940), подытоживая свою многолетнюю проработку этих вопросов в лекционных курсах и семинарах (США), Рассел несколько раз обращается к идее Витгенштейна, находя в ней новые аспекты и возможности применения¹¹. Принцип *логической атомистичности* все еще владеет его мышлением.

Высоко оценивая — в период их сотрудничества — интеллект и бесспорные успехи Витгенштейна, Рассел надеялся, что тот продолжит его логические изыскания. Но события разворачивались по-другому: быть продолжателем Витгенштейн не мог — по натуре, складу ума и характера. В философии ему явно была «уготована» иная роль — пролагать новые пути, глубоко продумывать и обосновывать принципы не только логических форм, но и самого философствования. Его всецело захватили уже ему открывшиеся, трудные логические, логико-философские, затем собственно философские проблемы, — и он принял этот «зов»¹². Ему суждено было стать *Философом*, притом не позитивистского типа. Сегодня, на исходе XX в., можно утверждать, что он создал, сформировал *новый образ философии*. Но это было понято далеко не сразу. Его работы на протяжении многих лет нередко читались (а иногда читаются и сегодня) как написанные в духе позитивизма.

Начатое под руководством Рассела и уже в основе выполненное исследование Витгенштейн продолжал и завершил в условиях, явно необычных для написания философского труда, — на войне и в плену (1914—1919)¹³. Рукопись будущего *Трактата* в 1919 году, как только представилась возможность, была передана Расселу. Автор рассчитывал на компетентное суждение учителя, друга, единомышленника, но, получив его одобрительное предисловие к своей будущей книге, пришел к выводу: тот не понял сути работы. Найти общий язык не помогли и попытки Витгенштейна разъяснить свои открытия (в письмах и при встрече). В результате он отказался публиковать свой труд с этим предисловием, неверно ориентирующим читателя. Однако без такой поддержки работу не удалось издать, потому она увидела свет и, как правило (уже, видимо, по традиции), издается поныне все-таки с предисловием Рассела и читается с заданной им точки зрения. Кстати, расселовское предисловие подготовило и восприятие *Трактата* в «Венском кружке» — как манифеста нового позитивизма, ориентированного на впечатляющие успехи и открытия в области логики. И лишь годы спустя стало про-

ясняться, что труд Витгенштейна был прочитан не в том ключе. Что же подтолкнуло к истолкованию произведения как позитивистского?

Существенным признаком позитивизма (от О. Конта до Р. Карнапа, А. Айера и др.) считают, как уже отмечалось, неприязнь к философскому теоретизированию — *метафизике*. Именно такую позицию, притом выраженную в резкой форме, члены Венского кружка усмотрели в тезисах *Трактата*. Как новый вариант позитивизма была расценена *лингвистическая философия* «позднего» Витгенштейна и его последователей (формирувавшаяся в 1930—1040-е гг.). Нацеленная на выявление концептуальных «дефектов» философского рассуждения, она тоже воспринималась как *антиметафизическая*. В работах Витгенштейна, при желании, можно было увидеть и другую «сторону медали»: типичную для позитивизма ориентацию на *эмпирические, описательные методы исследования*¹⁴. Этого хватило, чтобы «всерьез и надолго» записать его в позитивисты. Приверженность же философа *сциентизму* (третья характерная черта позитивизма) сочли очевидной: исключалась сама мысль, что у автора *Трактата* и ученика Рассела могли быть иные приоритеты. Т. е. в работах Витгенштейна, казалось бы, ясно просматривались все три необходимых и достаточных принципа позитивизма. Между тем его следование хотя бы одному из них весьма проблематично. Умонастроение *сциентизма* (веру в превосходство научного знания над всеми иными формами постижения мира) Витгенштейн не разделял, и недвусмысленно разъяснял это: «Научные вопросы могут интересовать меня, но никогда по-настоящему не захватывают. ... Решение научных проблем для меня в принципе безразлично», решение же концептуальных и ценностных (этических и эстетических) проблем — нет¹⁵. С точки зрения Витгенштейна, — не может быть *великой*, существенной проблемы в научном смысле¹⁶. В оценке его кредо по этому вопросу произошла явная «осечка», тогда как по первым двум позициям «сбой» понимания его взглядов тоже имел место, но был не столь явным. Возникшие тогда предубеждения не преодолены до конца и в наши дни. Но уже можно привести убедительные свидетельства того, что взгляды философа даже в ранний период творчества не соответствовали духу логического позитивизма по всем трем указанным позициям. Попробуем с этим разобраться.

Начнем с толкования концепции *Трактата* как *радикально антиметафизической*. Независимо от подлинного замысла и смысла труда такое толкование состоялось, и этот исторический факт способствовал предельному сближению (в умах читателей, исследователей, последователей) мыслей *Трактата* с логическим позитивизмом. Это

в значительной мере обусловило и оценку поздней концепции философа как «лингвистического» или «терапевтического» позитивизма¹⁷. Такое видение было воспринято, а отчасти сохраняется поныне и в нашей стране. В конце 1950-х — начале 60-х гг. лидирующий исследователь этих тем И.С.Нарский приравнивал мысли «Логико-философского трактата» к логическому позитивизму, а его автора (наряду с М.Шликом, Р.Карнапом и др.) причислял к «основателям неопозитивизма»¹⁸. Был сформулирован и совсем уж спорный тезис о том, что и в «Философских исследованиях»¹⁹, выполненных во второй период творчества, с иных позиций, Л.Витгенштейн (а также его английские последователи Г.Райл, Дж.Остин, Дж. Уиздом и др.) остался на позициях логического позитивизма²⁰. Такое толкование общей сути концепции и характер ее критики сохранялось и к началу 1970-х годов. Причем особое раздражение у некоторых специалистов вызывала «лингвистическая» философия. Неумение войти в ее внутренний, своеобразный контекст, предвзятый взгляд на нее как на «эпигонскую» разновидность неопозитивизма характеризует, в частности, соответствующий раздел учебного пособия тех лет²¹. В нем был подвергнут резкой критике отход позднего Витгенштейна и витгенштейнианцев от построения строго логических моделей знания, их обращение к анализу обычного языка, его гибких, варьируемых значений. Это расценивалось как «бунт против науки»²², обращение к низшему и низкопробному уровню языка обывательски мыслящих людей, занятых самой примитивной повседневностью²³. Автору (раздел был написан И.С.Нарским) представлялось, что гибкость, вариабельность языковых значений свойственна психике обывателей — людей не вышколенных наукой, склонных к капризам, неожиданным поворотам, исключениям, — и что именно это находит выражение в обиходном языке, его идиомах и непоследовательностях. Такие суждения²⁴ свидетельствуют о том, что уровень понимания лингвистической философии в отечественной литературе к началу 1970-х годов порою был удручающим.

Из великих философов XX столетия — с пониманием их работ — у нас, пожалуй, больше всего не повезло «позднему» Витгенштейну. Спустя десять лет после смерти философа суть его открытий оставалась во многом непонятой, и нередко они преподносились как нечто анекдотическое, несерьезное. Так читателю «разъяснялось»: «Витгенштейн превратил философию во вспомогательный метод классификации значений слов»²⁵; у позднего Витгенштейна «философия как таковая исчезает», заменяясь «игрой в индивидуальные языки»²⁶. Образно-ироничная, но верно передающая суть дела реплика Вит-

генштейна: «цель философии — показать мухе выход из мухоловки» — воспринималась как издевка и с неприязнью толковалась как стремление *увести человека от философских проблем*²⁷. На самом же деле Витгенштейн, напротив, имел в виду тщательное изучение философских проблем, осмысление их особого — «тупикового» — характера и сложного пути «разрешения»: выхода из концептуального тупика, вызвавшего характерное философское напряжение. В результате такого прочтения одна из самых глубоких и проницательных концепций уходящего столетия расценивалась как «философская деградация»²⁸. Работы Ю.А.Асеева, В.С.Швырева и др. были написаны уже в другой, академической тональности. Однако традиция рассмотрения двух концепций Витгенштейна — «логического атомизма» и «лингвистической философии» — в русле эволюции *позитивизма XX столетия* сохранялась²⁹.

Изучение творчества Витгенштейна, публикация все новых его материалов расшатывали представление о позитивистском характере даже «ранней» его доктрины, не говоря уже о «поздней» философско-лингвистической концепции. Многих других опередил в понимании этого обстоятельства польский исследователь Богуслав Вольневич, разъяснявший, что в «Логико-философском трактате» представлен тип мышления, совершенно отличающийся от всех позитивистских и эмпирических традиций...»³⁰. Со временем в западных и (отраженно) отечественных публикациях стали появляться суждения, что уже доктрина «логического атомизма» не была, строго говоря, формой позитивизма³¹ и что еще меньше оснований относить к позитивизму взгляды позднего Витгенштейна. Смене оценок способствовали кризис позитивизма, успехи исторического подхода к познанию, а также сближение, взаимовлияние разных философских направлений. Со временем исследователи стали отделять продуктивные методы анализа языка от сопутствовавших им позитивистских моделей (по)знания, сочетать эти методы с иными философскими подходами. В 1960-80 гг. за школами, успешно практикующими такие методы закрепилось новое, емкое имя — «*аналитическая философия*»³².

Более корректному пониманию философского наследия Витгенштейна помогали также все новые биографические и иные свидетельства. Так были опубликованы воспоминания Р.Карнапа, пролившие свет на значительное расхождение позиций Витгенштейна с учением логического позитивизма. Это выявилось в 1927 году, когда Витгенштейн, по просьбе М.Шлика, встретился в Вене с некоторыми из членов Венского кружка для обсуждения ряда положений «Трактата». В ходе этой и других бесед приверженцы логического

позитивизма неожиданно для себя обнаружили, что взгляды Витгенштейна существенно отличаются от их собственных и что он вообще не разделяет их концепции. В частности, выяснилось, что значительно сложнее, чем им казалось, обстоит дело с тезисом о «бесмысленности» философских положений. Сегодня можно обоснованно утверждать, что в логическом позитивизме данный тезис Витгенштейна был понят неверно. А это осложнило уяснение типа развиваемых им философских позиций, в том числе степени их родства (инородности) позитивизму.

Антиметафизический характер логического позитивизма несомненен. Карнап вспоминал: стоило нам принять всерьез требование научной строгости философии, как с необходимостью последовал вывод: *из нее должна быть изгнана вся метафизика*, поскольку ее тезисы не поддаются рациональному обоснованию. Теоретиков логического позитивизма это нисколько не огорчило. По признанию Р.Карнапа, М.Шлик и он «не питали никакой склонности к метафизике и метафизической теологии и смогли отказаться от них без внутреннего конфликта или сожаления». Но ему пришлось признать, что позиция Витгенштейна в данном вопросе была существенно иной. Он вспоминал, что, услышав резкое замечание Шлика о метафизическом утверждении классика философии (кажется, Шопенгауэра), Л.Витгенштейн выразил удивление и стал на защиту философа и его дела³³. По свидетельству Друри (ученика Витгенштейна), он в беседе с ним говорил: Не думайте, что я презираю метафизику или высмеиваю ее. Напротив, величайшие метафизические произведения прошлого я считаю самыми превосходными творениями человеческого ума.

В текстах Витгенштейна встречаешь высокие оценки наследия Платона, Августина, Канта и др. Но совершенно определенно высказаны и суждения о бессмысленности философских утверждений. Вспомним фрагмент из *Трактата*. «Большинство предложений и вопросов, трактуемых как философские, не ложны, а бессмысленны... Вот почему на вопросы такого рода вообще невозможно давать ответы, можно лишь устанавливать их бессмысленность. Большинство предложений и вопросов философа коренится в нашем непонимании логики языка ... И неудивительно, что самые глубокие проблемы — это, по сути, не проблемы» (4.003)³⁴.

В этих формулировках усматривают взгляд на философию, по сути совпадающий, скажем, с точкой зрения Р.Карнапа, — убеждением в бесполезности метафизики и необходимости ее преодоления. Создается впечатление, что концепции логического позитивиз-

ма и *Трактата* Витгенштейна в принципе едины. Между тем это ловушка, недоразумение: такая точка зрения навязывает себя нам, и на какой-то момент ей можно поддаться, но провести ее последовательно, всерьез не удастся. Сближение взглядов Л. Витгенштейна с логическим позитивизмом вынуждает к искусственным натяжкам в истолковании *Трактата*. Приходится закрывать глаза на ряд позиций автора, явно не укладывающихся в позитивистское толкование философии. Это ведет к деформациям, потере философской специфики, целостного характера тщательно продуманной, стройной концепции Витгенштейна, к смысловой несовместимости одних ее положений с другими. Возникает ряд не только логических, но и психологических неувязок. В частности, не укладывается в сознании возможность сочетания позитивистского взгляда на философию — как дело бесполезное, бессмысленное — и уважительного отношения к философской классике, более того, посвящения всей жизни *философии* (не логике науки!). А то, что в центре внимания Витгенштейна, в отличие от позитивистской традиции, находилась не наука, а именно философия, — несомненно. Американский исследователь Витгенштейна Бэри Страуд справедливо подчеркивает: «Ключ к пониманию значения его философии — в оценке длившейся всю его жизнь оппозиции сциентизму»³⁵. Специалисты, сумевшие найти верный ключ к текстам великого философа, считают «наиболее впечатляющим в его взглядах понятие о том, что собой представляет философия в высоком смысле слова и чем она по сути призвана быть»³⁶. Но как совместить это с текстом о бессмысленности философских высказываний? Ведь одно не вяжется с другим, к тому же в понимании общей природы философии ориентации Витгенштейна не претерпели существенных изменений и во второй период творчества. Была принципиально пересмотрена лишь концепция *метода анализа*, пути к философской ясности. Тезис же о *бессмысленности* философских вопросов и утверждений был сохранен. И сформулировал его философ. Стало быть, бессмыслен и этот его тезис... Что это — казус, оплошность, недосмотр? — Нет, вызов — намеренно острая форма постановки проблемы. Выход из «тупика», понятно, нужно искать в текстах Витгенштейна. Интересующая нас тема многоаспектна и не может быть достаточно полно раскрыта в рамках статьи. Потому выделим главное: сконцентрируем внимание на таких ответственных (и острых!) сюжетах, как бессмысленность философских фраз и *парадоксальность* философской мысли.

2. Парадокс философствования (I) в контексте «Трактата»

В «Логико-философском трактате», рассуждая последовательно, Витгенштейн не остановился на полпути: он объявил *бесмысленными* и свои собственные философские утверждения. Тем самым важнейшую для него (кантовскую по духу) проблему: «*Как возможна философия? Что она такое? Для чего нужна?*» — он выразил в форме *философского парадокса*³⁷. Вчитываясь в текст, в какой-то момент ясно осознаешь, что в устах философа заявление о бессмысленности философских утверждений представляет собой вариацию на тему античного «парадокса лжеца». Содержание его таково: некто по имени Эпименид, живущий на острове Крит, утверждает, что «*все критяне лгут*». Поскольку сказанное распространяется и на его собственное заявление (саморефлексивность), возникает хрестоматийно известная тупиковая ситуация³⁸. Заявив о бессмысленности философских утверждений, Витгенштейн «как по нотам» разыграл названное логическое затруднение, поставив в положение Эпименида самого себя. Правда, в парадокс внесена поправка: философы не лгут, а продуцируют бессмысленные фразы. А это к тому времени было признано (Фреге, Рассел и др.) куда более тяжелой логической «порчей» утверждений, чем их ложность. Последняя устанавливается процедурами проверки — сопоставлением смысла высказываний с соответствующими ситуациями. Бесмысленные же утверждения не проверишь: неясно, о проверке *чего* в таких случаях вообще может идти речь. Итак, с точки зрения Витгенштейна, в любом нормальном высказывании конструируется некий *смысл* (возможная ситуация) и в зависимости от реального положения дел оно может быть либо истинным, либо ложным. Философские же фразы не несут информации о конкретных ситуациях в мире, для них немислимы процедуры эмпирической проверки и потому они не являются ни истинными, ни ложными. А это и приравнивается к *бесмысленному* (что тоже является постулатом). В заключительной части *Трактата* читаем: «Правильный метод философии, собственно, состоял бы в следующем: ничего не говорить, кроме того, что может быть сказано, то есть кроме высказываний естествознания³⁹, — следовательно, чего-то такого, что не имеет ничего общего с философией. — А всякий раз, когда кто-то захотел бы высказать нечто метафизическое, доказывать ему, что он не наделил значением определенные знаки своих предложений. Этот метод не приносил бы удовлетворения собеседнику — он не чувствовал бы, что его обучают философии, — но лишь такой метод был бы безусловно правильным» (6.53). То есть освоение фило-

софии связывается не с формулировкой (запоминанием, пересказом) утверждений, а с освоением особой *практики* концептуального осмысления.

Заявив, что философы формулируют и применяют бессмысленные утверждения, Витгенштейн (подобно Эпимениду) по существу вынес приговор и самому себе. — Ведь он тоже пишет *философский* трактат, то есть и сам принадлежит к сообществу тех, чьи утверждения считает бессмысленными. Автор знаменитого труда вполне отдает себе в этом отчет. «Мои предложения служат прояснению: тот, кто поймет меня, поднявшись с их помощью — по ним — над ними, в конечном счете признает, что они бессмысленны. (Он должен, так сказать, отбросить лестницу, после того как поднимется по ней.) Ему нужно преодолеть эти предложения, тогда он правильно увидит мир» (б.54). По существу это не что иное, как острая — парадоксальная — постановка главного вопроса «Трактата» о том, что *может быть сказано ясно* и что такому высказыванию не поддается. Первую группу составляют предложения естествознания и аналогичные им информативные фразы о происходящем в мире. Вторую образуют *псевдоутверждения* философского и иного (логического и математического) характера. Попытки преодолеть границы языка (высказать невысказываемое) выливаются в утверждения, строго говоря, *лишенные смысла*. Так что же, «Логико-философский трактат» — бессмысленная работа? К чему же было его писать и какой смысл изучать? Недоумевающего читателя автор успокаивает так: тот, кто меня поймет, сможет подняться по этим предложениям, словно по ступеням лестницы, — пройти по ним, преодолев их — к *ясности*. Если же ясность достигнута, лестница больше не нужна, и ее можно отбросить. Метафоры, поясняющие роль, отводимую философии, могут быть и иными. В поздних работах вместо ступеней лестницы философ говорит о путевых знаках (зарубках и пр.), указывающих (напоминающих, подтверждающих) правильность пути. Используется также метафора лабиринта языка (речевого разумения), где то и дело попадаешь в тупик, из которого нелегко найти выход, и др. При этом суть подхода остается прежней: философия понимается как *путь*, способы прояснения.

Сохраняется и характеристика философских фраз как «бессмысленных». Но подчеркивается, что удалить их из языка (вспомним о программе «преодоления» — устранения — метафизики в логическом позитивизме) невозможно, поскольку в человеческом интеллекте глубоко *укоренена склонность* (тоже кантианский мотив!) время от времени прибегать к таким фразам⁴⁰. Витгенштейн подмечает, что в определенных пунктах речевого разумения или коммуникации воз-

никает непреодолимое желание сделать то или иное *философское заявление* — т. е. совершить не реальный *рабочий* ход в соответствующей речевой игре, не *высказать* что-то, а *изречь* (провозгласить) нечто якобы особо важное — «глубокомысленное». При этом формулируются не *высказывания* нормального типа (повествующие о чем-то), а нечто принципиально иное — философские *сверх-высказывания*. Приводя множество примеров таких фраз, Витгенштейн весьма иронично характеризует постоянную готовность человека к *обобщающим изречениям, резюме*. В работах второго периода, следуя выдвинутой в них идее «философской терапии», он ставит такой «диагноз»: время от времени нас прямо-таки *тянет* заявить нечто философское, оно как бы просится быть высказанным. В такие моменты ум настроен особым образом: размышление о чем-то реальном, участие в конкретной практике («языковой игре») на какое-то время прерывается. Вместо этого внимание концентрируется на самом интеллекте — его инструментарии — разветвленном и подвижном концептуальном аппарате («сетке», «связках» понятий). Именно в таких случаях люди изрекают особые *супер-фразы* философского (метафизического) характера. Если вслед за Витгенштейном условно сравнить выполнение обычных, нормальных функций языка с действием машины, совершающей полезную работу⁴¹, дающей реальный результат, то периодические переключения на философские сюжеты будут — с точки зрения основного процесса — напоминать пробуксовывание — движения, не дающие эффекта. Витгенштейн, например, сравнивает их с вращением колес, отвинтившихся от машины и вертящихся вхолостую. Впрочем, его метафорический ряд, как всегда, разнообразен. Мимоходом произносимые философские фразы сравниваются, в частности, с тем, как парикмахер в процессе стрижки волос время от времени, как бы совершенствуя сноровку, просто лязгает ножницами, «стрижет воздух». Вспоминаются и пройдохи-портные (из сказки Х. Андерсена «Голый король»), лишь имитирующие шитье роскошных одежд и церемонии облачения в них короля. Приводятся и другие наглядные пояснения подобного рода.

Вновь и вновь возвращаясь к размышлениям Витгенштейна⁴², можно уловить разницу его и логико-позитивистского видения философии и осознать, что тезис «философские положения лишены смысла», — это не шутка, не ирония, не эпатаж. Это серьезный тезис, тесно связанный в *Трактате* (да и в текстах второго периода) с особым толкованием понятий «*смысл*» и «*осмысленное*».

«Критическим пунктом», определившим неверное понимание представленного в *Трактате* видения философии, стало «расхожее» уяснение термина бессмысленный и — как следствие — буквальное